

Особик Владимир

Присутствие экран и сцена - 1998 -

исход. (~45) - 43

## Не для истории — для театра

29 октября актеру Владимиру Особику исполнилось бы 55 лет.

Ушла жизнь — началась память. С поздним прозрением. Теперь говорим о его похожести на Михаила Чехова. Нина Аловерт, театральная фотограф, много и "в тон" снимавшая Особика в спектакле ленинградского театра имени В.Ф.Комиссаржевской "Царь Федор Иоаннович": "Это был человек, у которого не было никакой защиты от мира, поэтому все горение его души без всяких препон выливалось в каждом спектакле. Это был лишенный всякого защитного устройства актер. Одни нервы. Невероятно ранимое сердце". Слова — вдогонку. Такие не говорят при жизни, словно боясь сыграть на руку судьбе, ускорить неизбежное. Он был обречен их не услышать, как был обречен жить с трагическим надрывом, с тем, что талант был для него неизбывной болью, а "актерские приспособления" оставались неизменными с юности: всякий раз оставлять на сцене душевные силы без остатка, чтоб опять набирать их заново — для другого спектакля, для неизбежного, до стоны, выплеска. Звучит банально, а жить так и вовсе нельзя. Но ведь — жил. Да, он покорила Иркутск и Ригу, а бредившая Смоктуновским в царе Федоре Москва, увидев Особика, недоумевала — как раньше можно было его не знать.

Хочется назвать его актером одной роли, обособив царя Федора. Но это будет неправильно. Играл он много и замечательно. Еще в 13 лет удивил всех в телеспостановке Дворца пионеров Смольнинского района Ленинграда, заплакав настоящими слезами в роли Павлика Морозова. А в 18, на год уйдя из института, стал сниматься в первом своем



фильме — "Дикой собаке Динго". Была счастливая сценическая юность, любимые спектакли — "Принц и нищий", "Если бы небо было зеркалом". Была череда комедийных, характерных, лирических ролей.

Федора он всегда играл на грани, никогда ее не переступая. Иногда казалось, что эта роль, без малого 20 лет с ним и в нем жившая, была для него поводом — впустить в себя всю видимую и невидимую боль, раствориться в ней, пропустить через себя — и выплеснуть на беспечного и незащитного зрителя (очень часто беспечный становился перед ним беззащитным). С ним открывался желанный беспредел сцены. И всякий раз, испытывая наваждение, страшно становилось за него: страховал ведь себя только формой, необходимостью соблюдать сценические законы и рисунок роли, душа же рвалась в бездны, только ему ведомые.

Постоянно возникает в памяти его голос: глухой, как колокол, томимый всеми мыслимыми земными чувствами — и в какие-то мгновения звеняще летящий вверх. Мелодия колокольного звона в первой сцене Федора словно рождалась из этого голоса, а руки, невольно поднятые ввысь, направляли голос к небесам. В вере, добре и гармонии начавшаяся сценическая жизнь приходила к неизбежному — беспределности одиночества, отчаяния. Федор Особик на пустой сцене, когда все режиссерские развлечения уже отыграны, когда его, обессиленного, раздавленного, в черных одеяниях, словно поглощала сцена, мог держать паузу, сколько того требовала его душа.

Несколько лет Особик был вне театра. Он опять стал преподавать, очень органично пришел к режиссуре, сыграл в Театре сатиры на Васильевском в "Дядюшкином сне" — вернулся на сцену, в театр, в жизнь, суетную и докучную — но ведь единственную. Наверное, последние годы были для него облечением. Наверное, появилась надежда дать выход своим думам, успокоить свою светлую и страдальческую душу, войти с ней в сговор. Только очень она измучилась, его душа. И попросила отдыха — совсем не такого, какой предложил ей он.

Такие имена, как Владимир Особик, не остаются в истории. И Федор, снятый по мизансценам, по "кадрам" Ниной Аловерт, не будет изучаться столь же скрупулезно, как Федор Павла Орленева. Но, избежав истории, такие имена дают много счастья, страдания и раздумья тем, кто их видел на сцене.

Ольга ПИНИЖИНА

● Владимир Особик  
в роли царя Федора